

The theoretical basis of the study risk in the approach of social constructionism

M. A. Shcherba^{1,2}

¹Department of public affairs, Government of Yaroslavl region, 3 Sovetskaya square, Yaroslavl 150000, Russian Federation

²P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research Article
Full text in Russian

In the modern information society, content is created by social networks and the media. The created context independently launches the mechanisms for changing the environment. This influences the behavior of citizens, building their behavioral strategies. In this regard, the study of the process of constructing risks and the factors influencing it is relevant and significant. The article discusses classical risk theories (P. Slovik, M. Douglas, E. Giddens, W. Beck) and the theory of social constructionism from the point of view of their theoretical capabilities for studying the risk construction process. Thus, classical sociological risk theories distinguish risk perception factors, determine the social groups involved in the design process and the possibility of categorizing the phenomenon as risk or not risk in the process of public discourse. In the framework of the approach of social constructionism, the mechanisms of risk construction are considered: institutionalization (P. Berger and T. Luckman) and securitization (Copenhagen school of international relations). The process of institutionalizing risk in the article is described on the example of the disaster at the Chernobyl nuclear power plant. It is specified that the social communication process of creating and changing risk can be used in political and managerial strategies.

Keywords: risk; sociology of risk; social constructionism; construction of risk; institutionalization; securitization; risk perception

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shcherba Marina A. | E-mail: m.scherba@yandex.ru
Head specialist

For citation: Shcherba M. A. The theoretical basis of the study risk in the approach of social constructionism // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2019. Vol. 5, No 4. P. 326–335. (in Russ.)

Теоретические основания изучения риска в рамках подхода социального конструкционизма

М. А. Щерба^{1,2}

¹Департамент общественных связей, Правительство Ярославской области, Советская пл., 3, Ярославль, 150000, Российская Федерация

²Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 316.4

Научная статья
Полный текст на русском языке

В современном информационном обществе контент создается социальными сетями и средствами массовой информации. Создаваемый контекст самостоятельно запускает механизмы изменения окружающего пространства. Это влияет на поведение граждан, выстраивание их поведенческих стратегий. В связи с этим актуальным и значимым является изучение процесса конструирования рисков и влияющих на него факторов. В статье рассматриваются классические теории риска (П. Словик, М. Дуглас, Э. Гидденс, У. Бек) и теории социального конструкционизма с точки зрения их теоретических возможностей для изучения процесса конструирования риска. Так, классические социологические теории риска выделяют факторы восприятия риска, определяются социальные группы, участвующие в процессе конструирования, и возможность категоризации явления как риска или не риска в процессе общественного дискурса. В рамках подхода социального конструкционизма рассматриваются механизмы конструирования риска: институционализация (П. Бергер и Т. Лукман) и секьюритизация (Копенгагенская школа международных отношений). Процесс институционализации риска в статье описывается на примере катастрофы на Чернобыльской АЭС. Уточняется, что социальный коммуникационный процесс создания и изменения риска может быть использован в политических и управленческих стратегиях.

Ключевые слова: риск; социология риска; социальный конструкционизм; конструирование риска; институционализация; секьюритизация; восприятие риска

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Щерба Марина Андреевна

Email: m.scherba@yandex.ru

Главный специалист отдела по взаимодействию с экспертным сообществом и обеспечению работы открытого правительства департамента общественных связей Ярославской области

Для цитирования: Щерба М. А. Теоретические основания изучения риска в рамках подхода социального конструкционизма // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Том 5, № 4. С. 326–335.

Введение

Особенность социологического подхода к категории риска, в отличие от подходов точных наук, заключается в признании обусловленности риска социальными, культурными, политическими факторами. Все классические теории риска рассматривают его в контексте общественной жизни и субъективности восприятия. Так, исследования психометрической школы П. Словика доказывают обусловленность риска особенностями познающего субъекта и психологическими особенностями восприятия, культурная теория М. Дуглас говорит о зависимости риска от культурной среды, но и те, и другие сходятся в точке зрения о субъективности риска. Э. Гидденс предлагает искать истоки риска в решениях, а У. Бек уточняет, что истоки риска – в решениях, которые принимаются организациями и политическими группами. У. Бек считает возможность обеспечения безопасности человека зависимой от возможностей социальной группы, к которой он принадлежит. Большое внимание аспектам восприятия риска уделяет российский ученый К. А. Гаврилов. Таким образом, во всех теориях, рассматривающих социологический подход к риску, утверждается социальная сущность риска и рассматриваются особенности его создания либо восприятия.

Однако в современном информационном обществе, характеризующемся интенсификацией социальных сетей, постоянным продуцированием новостей и ускорением информационных потоков, генерируемый контент не только подвергается восприятию субъектами и социальными группами, но и запускает механизмы изменения окружающего пространства. Так, идея «самоисполняющегося пророчества», рассмотренная Р. Мертоном, предполагает зависимость последствий какого-либо события не от реальности самого события, а от восприятия его как реального. Д. С. Хаустов приводит пример трансляции радиопостановки «Войны миров» в США в 1938 году, в которой события одноименного романа были перенесены в современность [1, с. 31]. Однако жители восприняли радиопостановку не как пародию, среди населения возникла паника. Позже при рассмотрении этого кейса в научно-популярной литературе оспаривалась массовая паника и приводились аргументы, что она была целенаправленно преувеличена печатной прессой в целях нивелирования значения радиостанций. Однако факты формирования событий средствами массовой информации и восприятия их людьми как реальными подтверждаются. Это влияет на поведение граждан, выстраивание их поведенческих стратегий.

О значимости учета интерпретации рисков пишет А. В. Иванов: «специалисты в области риска в своих оценках подчас ориентируются не только на количественные характеристики и возможные последствия негативных событий, но и на уже сформировавшееся мнение общественности, степень доверия распространяемым сведениям о факторах риска, силу их эмоционального воздействия на общественное сознание» [2, с. 251].

Таким образом, развитие коммуникаций в современном мире создает всё большее количество механизмов, которые заставляют воспринимать ситуации как реальные. Контент социальных сетей, блогов, средств массовой информации повествует о множестве разнообразных событий, которые воспринимаются аудиторией как реальные. Информация о таких событиях может целенаправленно запускаться политическими и экономическими акторами для реализации определенных интересов. Между тем классические теории риска, как было сказано выше, в основном рассматривают аспекты субъективного восприятия такой информации, а аспект формирования, конструирования рисков в социологической науке изучен недостаточно хорошо.

В целях решения данной проблемы рассмотрим, какие теоретические возможности для описания и изучения конструирования риска содержатся в классических теориях риска и какие возможности предлагают современные теории социального конструкционизма.

Рассмотрение вышеобозначенных теорий осуществлялось с помощью анализа зарубежных и российских научных работ с использованием общенаучных методов анализа и синтеза, абстрагирования. Также применялись сравнительный и структурно-функциональный методы.

Факторы восприятия и конструирования риска в классических теориях риска

В целях выявления возможностей подхода социального конструкционизма для исследования риска рассмотрим, какие основания для его изучения с конструкционистских позиций содержатся в работах классических авторов (П. Словик, Э. Гидденс, М. Дуглас, У. Бек, Н. Луман) и что нового может принести в его изучение использование данного подхода.

Представители психометрической теории в своих исследованиях сосредоточились на социально-психологических факторах восприятия риска. П. Словик и его коллеги провели ряд исследований по изучению восприятия риска. В рамках одного из них людей просили оценить различные виды деятельности, сущностей или технологий по ряду параметров (добровольность, страх, знания, управляемость, выгоды, которые опасностью предоставляют обществу, и т. д.). В исследовании участвовали как обычные граждане, так и эксперты. Проанализировав полученные данные, ученые выделили ряд факторов, которые формируют восприятие риска, повышают или понижают страх перед риском. Это «страх риска» (dread risk), «знание риска» (unknown risk) и «воздействие» (exposure) [3, с. 86–87].

Фактор «знание риска» описывается рядом характеристик: можно ли наблюдать риск, известно ли его влияние, эффект замедленный или непосредственный, новизна риска, изучаем ли риск наукой. Фактор «страх риска» описывается следующими характеристиками: управляемость, страх риска, катастрофичность, фатальность последствий, вред для будущих поколений, возможность снижения, добровольность риска, касается ли риск субъекта лично. Согласно результатам, полученным П. Словиком, фактор «страх риска» больше коррелирует с восприятием риска, чем фактор «знание риска». Третий фактор показывает количество людей, которые подвергаются риску, значение этого фактора одинаково для экспертов и обычных людей. Кроме обозначенных факторов, на восприятие риска также влияют социально-экономические переменные, мировоззренческие (культурные) установки, личный опыт, общественное внимание к рассматриваемой проблеме, доверие к органам власти и средствам массовой информации, т. е. целый спектр психологических и социально-психологических факторов.

Исследователь рисков Ч. Старр в своих работах также использовал категорию «восприятие риска». Он отметил еще два социально-психологических фактора, влияющих на восприятие риска, – это выгоды, которые несет риск, а также добровольный характер деятельности. П. Словик интерпретирует идею Ч. Старра и замечает: «... чем больше воспринимаемая выгода, тем больше толерантность к риску. Кроме того, толерантность зависит от добровольного характера деятельности» [3, с. 86]. Например, представители опасных профессий (шахтеры, альпинисты) добровольно принимают

риск, соответственно, более толерантны к нему. Те, кому риск сулит выгоду в виде различных ресурсов (деньги, власть и пр.), также более склонны к риску. Таким образом, особенности социально-профессиональной группы, к которой принадлежит человек, влияют на его отношение к риску.

Представитель культурной теории риска М. Дуглас указывает, что категоризация явления или события как риска осуществляется в процессе общественного дискурса, таким образом создаются представления об опасном и неопасном. Риски могут быть различными в разных культурах, на представления о риске влияют элементы культуры – знания, навыки, нормы, ценности, образцы поведения, верования, социальные цели и т. д. Расстановка «дорожных указателей» осуществляется на основании процесса оценивания риска. М. Дуглас замечает: «все зависит от ценности, которую придают этому событию. Оценивание – процесс политический, эстетический и моральный» [4, с. 250]. В данном тезисе сделан акцент на интерпретации явления, его понимании в свете принятых в обществе политических, эстетических и моральных представлений и норм.

По М. Дуглас, риск несет особые политические смыслы: «язык риска зарезервирован в качестве специализированного лексикона для политических разговоров о нежелательных результатах... Обвинение в создании обстановки риска – это дубинка для битья авторитетов, средство расшевелить ленивых бюрократов, вырвать возмещение для жертв» [Там же. С. 245]. Когда риск становится «разменной монетой» политики, то исчисление риска отходит на второй план и уже не играет важной роли в общественной оценке риска. По нашему мнению, данный тезис не является вполне верным, поскольку оценка риска в параметрах вероятности и масштаба также может стать весомым аргументом в политических обсуждениях. Таким образом, поднимается вопрос об использовании рисков в качестве аргументов в политической дискуссии.

Э. Гидденс вводит понятие «защитного кокона» – системы факторов, по которым субъект оценивает риск: опасения, масштаб, вероятность [5, с. 124]. Однако Э. Гидденс рассматривает данные факторы с точки зрения их возможности «защитить» субъекта и создавать комфортную жизненную среду, т. е. снизить его страх перед рисками.

Н. Луман также указывает на субъективность в оценке риска: «риск... не означает «факта», существующего независимо от того, наблюдаем ли он и кем именно наблюдаем» [6, с. 154], добавляя, что в области теории познания это положение ведет к конструкционистским утверждениям. Раскрывая тезис о социальной природе риска, У. Бек называет определенные социальные группы и институты, связанные с риском. Так, знаниями о риске обладает ограниченное количество людей (экспертов), а распространяет эти знания определенный институт (средства массовой информации). Эксперты могут скрывать или искажать информацию, от их деятельности и решений зависит остальное население. В этом раскрывается субъективная сущность риска: калькуляцией рисков и оповещением населения о результатах занимаются социальные группы, обладающие своими интересами.

Отдельным вопросом в концепции У. Бека является вопрос онтологического статуса риска. С одной стороны, ученый рассматривает риск как объективное свойство общества, рассуждая о производстве и распределении рисков, с другой стороны, считает, что уровень риска может быть изменен в зависимости от интересов отдельных социальных групп. Анализируя представления У. Бека о риске, Е. В. Королева

объединяет две стороны риска – объективную и субъективную – и говорит о полуконструктивистском понимании риска У. Беком: «для У. Бека риск есть одновременно биофизическая реальность и социальный конструкт. Риски производятся промышленностью, воплощаются в экономике, легитимируются наукой и сводятся к минимуму политикой. Например, страх и вообще ожидание негативных «последствий» создают собственную социальную и политическую реальность. Глобальных рисков как таковых не существует – они всегда обременены социальными, политическими или этнонациональными конфликтами» [7, с. 121]. Данная двухполюсность риска в понимании У. Бека отражает важную методологическую проблему, а именно каковы онтологические основания категории риска: риск – «реальность или социальный конструкт» [8, с. 3]. Можно констатировать, что в поздних работах У. Бек не дает законченного определения риска, однако замечает: «риски не вещи. Это социальные конструкции, в которых ключевую роль играют не только знания экспертов, но и культурные оценки и символы. Чтобы за конфликтами риска обнаружить конфликты власти, необходимо поставить вопрос об отношениях определения» [9, с. 156]. В понимании риска У. Беком отражаются положения теории марксизма о том, что социальные конфликты (конфликты риска) являются выражениями конфликтов интересов разных социальных групп.

Полуконструкционистские представления У. Бека о сущности риска подтверждают тезис о значимости роли социально-психологических факторов в процессе понимания риска. Ученый затрагивает проблему восприятия риска населением: «...широкие слои населения и противников атомной энергетики волнует в первую очередь потенциал катастроф, заключенный в ядре. Даже считающаяся ничтожной вероятность аварии становится слишком высока там, где авария означает уничтожение» [10, с. 34]. Мнение У. Бека совпадает с результатами исследований представителей психометрической парадигмы: ученый отмечает факторы, которые значимы для восприятия риска: опасения риска, масштаб и последствия риска.

Таким образом, классические социологические теории риска выделяют факторы, влияющие на его восприятие: социально-психологические характеристики субъекта (мировоззренческие установки, личный опыт субъекта; в первую очередь они рассматривались в рамках психометрической парадигмы); социально-демографические факторы (психометрическая парадигма, У. Бек); особенности экономической, политической и социокультурной макросреды (изучались представителями культурной теории, а также Н. Луманом). В социологических теориях риска конкретизируется возможность его социального конструирования: определяются социальные группы, участвующие в процессе конструирования (У. Бек), и возможность категоризации явления как риска или не риска в процессе общественного дискурса (М. Дуглас) и резервирования риска как категории, которую можно использовать в политических дискуссиях (М. Дуглас). Выделяемые факторы и среды влияния указывают на социальную обусловленность риска, а в подходе У. Бека начинает просматриваться полуконструкционистская сущность риска. Перейдем к теориям социального конструкционизма и проведем реконструкцию подходов с точки зрения того, как в их рамках может быть рассмотрено конструирование рисков.

Процесс конструирования риска через призму теорий социального конструкционизма

Идеи социального конструкционизма заключаются в том, что реальность не является объективной, а формируется людьми. Теория социальных представлений рассматривает представления как призму, через которую воспринимается реальность, и одновременно как результат социального действия. Л. А. Паутова отмечает: «конструирующая сущность СП [социального представления] проявляется в том, что «представленное» превращается в «реальное». Это самый сложный социальный процесс, разворачивающийся за счет социальной коммуникации и языка» [11, с. 35].

Наиболее проработанно процесс и механизмы социального конструирования описали П. Бергер и Т. Лукман, которые выделили две стороны социальной реальности: объективную и субъективную [12]. Субъективная сторона индивидуальна для каждого человека, она формируется в процессе социализации субъекта. Объективная сторона – это общие знания, нормы, ценности, т. е. коллективные представления. Она формируется в процессе институционализации, который является важнейшей частью социального конструирования. По мнению авторов, она помогает возникновению, поддержанию и передаче социального порядка. Институционализация представляет собой закрепление коллективных представлений о типах в социальных институтах (закрепление знаний, норм и ценностей).

Процесс институционализации состоит из трех ступеней. Первая ступень традиционная, она относится к реальности повседневной жизни и представляет собой опривычивание (хабитуализацию), то есть превращение некоторых действий в систематические. Вторая ступень – это типизация, разделение объектов и процессов на типичные категории. Наконец, легитимация как последняя ступень помогает передавать социальные институты с их элементами последующим поколениям, устанавливать доверие к социальным институтам перед теми, кто их не создавал, что способствует общественной стабильности. Легитимация способствует укреплению коллективных представлений на индивидуальном уровне, передаче их последующим поколениям. Указанные ступени одновременно являются способами социального конструирования, осуществляются последовательно друг за другом.

В качестве примера рассмотрим институционализацию риска аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г. Появляются новые социальные роли – это пострадавшие в результате аварии и ликвидаторы аварии, которые согласно федеральному законодательству получают специальные социальные выплаты и льготы; это исследователи ядерной угрозы. Возникают многочисленные социальные институты, связанные с контролем, поддержанием, передачей представлений о риске. Это благотворительные фонды (например, «Международный гуманитарно-благотворительный фонд инвалидов и потерпевших от Чернобыльской катастрофы»), международные синдикаты помощи чернобыльцам (например, «Международный синдикат помощи ликвидаторам Чернобыльской атомной электростанции и жертвам ядерных воздействий»). Также это центры реабилитации для пострадавших (например, «Центр реабилитации лиц, пострадавших от последствий Чернобыльской катастрофы Академии медицинских наук Украины»); региональные и федеральные общественные объединения чернобыльцев (например, «Общероссийская общественная организация инвалидов Союз «Чернобыль» России»). Созданные учреждения, утвержденные документы (в т. ч. нормативно-правовые акты) квалифицируют событие как опасный,

масштабный риск со значительными негативными последствиями. Эти процессы активно реализуются на постсоветском пространстве, опредмечивая риск и делая его частью социальной реальности.

Конструкционистский взгляд на изучение социальных проблем, представленный М. Спектором и Дж. Китсьюзом, также содержит положения в помощь изучению риска. Сторонники этого подхода рассматривают создание социальных проблем как процесс риторики, дискуссии между социальными группами с целью достижения их целей и защиты интересов. Согласно концепции «публичных арен» С. Хилгартнера и Ч. Боска, социальные проблемы конкурируют между собой за общественное внимание. Это своеобразное соперничество социальных групп, которые данные проблемы выдвигают в общественную повестку дня через публичные арены. Публичные арены [13] – газета, фонд, парламентский комитет, некоммерческая организация – имеют ограниченную пропускную способность (например, для газеты она ограничена бюджетом издания, площадью газеты, числом сотрудников, временем для подготовки материалов и т. д.). Поэтому проблемы, попадающие в повестку дня, проходят процесс отбора, на который влияет целый ряд институциональных, политических и культурных факторов. Таким образом, в рамках данного подхода предлагается идея о формировании рисков в процессе соперничества социальных групп, которые ратуют за попадание в общественную повестку определенных рисков. Это означает, что, с точки зрения представителей данной теории, конструирование рисков всегда осуществляется целенаправленно. Впервые вводится понятие «публичной арены», т. е. фактически подразумевается канал, с помощью которого создается риск.

Идея целенаправленного конструирования риска является главной и для Копенгагенской школы социологии международных отношений, которую также можно отнести к конструкционистскому направлению. Представители данного подхода рассматривают процесс секьюритизации, который можно считать одним из механизмов конструирования риска. Впервые понятие «секьюритизация» было введено в социологию международных отношений О. Вайером. Под секьюритизацией понимается целенаправленное превращение проблемы, явления в политическую угрозу. «Если какая-то проблема «секьюритизируется» (включается в орбиту дискурса безопасности), то это означает, что ей приписывается наивысший приоритет, статус экзистенциальной угрозы, требующей со стороны общества чрезвычайных мер противодействия» [14, с. 90], – поясняет С. В. Акопов. Этот тезис объясняет процесс и сущность секьюритизации: основной целью является придание проблеме статуса угрозы, которая может нанести значительный вред национальной безопасности, поэтому по поводу данной угрозы в кратчайшие сроки должны быть предприняты действия.

Хотя впервые понятие секьюритизации было озвучено в рамках социологии международных отношений, можно расширить границы и использовать социологические достижения в его изучении для развития теории социального конструирования рисков. Так, О. Вайер выделил ряд вопросов, ответы на которые помогут в рассмотрении специфики данного процесса. Это следующие вопросы: «кто реализует механизм секьюритизации, какие угрозы секьюритизируются, для кого, почему, с какими результатами и при каких условиях» [15, с. 32]. Данную схему возможно применить и для изучения социального конструирования рисков. Таким образом, особенности Копенгагенской школы международных отношений в изучении

конструирования риска заключаются в том, что данная тема исследуется исключительно как политическая, т. е. конструирование рисков рассматривается как процесс наделения рисков политическими значениями и дискурса по поводу них. Вместо категории «риск» авторы используют категорию «угроза», подчеркивая этим целенаправленность в формировании угрозы акторами. Предложен конкретный механизм создания угроз – секьюритизация.

Выводы

Все вышеуказанные теории в той или иной степени затрагивают создание социальной реальности (влияние социально-экономических, политических и культурных факторов, создание «социальных представлений», «социальных проблем», «секьюритизацию угроз») и частично предлагают конкретные механизмы конструирования риска. Согласно концепции П. Бергера и Т. Лукмана, одним из них является институционализация, то есть закрепление коллективных представлений о рисках в нормах и ценностях социальных институтов. Представители Копенгагенской школы международных отношений пишут о другом механизме создания риска – секьюритизации. Секьюритизация представляет собой придание явлению, событию статуса угрозы, которое целенаправленно осуществляется заинтересованными акторами. Большая роль в рассмотренных концепциях отводится политическому контексту создания риска. Продолжая традицию К. Маркса, У. Бек и О. Вайер рассматривают риск как категорию политической социологии.

Риск в социологическом понимании может рассматриваться как социальный конструкт, который формируется и изменяется в ходе социальных процессов. Представляется обоснованным введение в социологический аппарат понятия «конструирование риска», подразумевающего социальный коммуникационный процесс создания и изменения риска, который, в свою очередь, может быть использован в политических и управленческих стратегиях. Согласно положениям социального конструкционизма, не существует объективных рисков, они создаются в процессе взаимодействия людей, закрепляются как традиции и воспринимаются как часть реальности. Изучение социального конструирования риска базируется на достижениях теорий социального конструкционизма, социологии международных отношений, социологических теорий риска. Также представляется перспективным обратиться к наработкам социологии коммуникаций для изучения данного процесса.

Ссылки / References

1. Хаустов Д. С. Теорема Томаса и особенности конструирования социальной реальности через массовые коммуникации // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 29–37.
2. Иванов А. В. Коммуникация риска: теоретические основания и современные дискуссии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. № 3. С. 251–256.
3. Slovic P., Fischhoff B., Lichtenstein S. Why Study Risk Perception? // Risk Analysis. 1982. Vol. 2. № 2. P. 83–93.
4. Дуглас М. Риск как судебный механизм // THESIS. 1994. № 5. С. 242–253.
5. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.
6. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135–160.

7. Королева Е. В. Социология политических процессов Ульриха Бека // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 120–123.
8. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. 12. № 1. С. 3–35.
9. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция; Территория будущего (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»), 2007. 459 с.
10. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
11. Паутова Л. А. Комплексный подход к исследованию социального представления о стабильности // Социология: Методология, методы, математические модели. 2004. № 19. С. 32–65.
12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
13. Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань: Издательство Казанского университета, 2000. С. 18–53.
14. Акопов С. В., Прошина Е. М. «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до концепции «далеких местных» // Власть. 2011. № 1. С. 89–92.
15. Buzan B., Waever O., Wilde J. Security: a new framework for analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.